

К 150-летию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина

Вся писательская деятельность Салтыкова-Щедрина — нескончаемый поединок с дворянско-помещичьим миром, с жадным плечем чиновничества и с хищниками новой, буржуазной складки. ...Притворю дверь его кабинета, откуда доносится хватяющий за сердце страшный, долгий, хриплый кашель. Не попятимся назад при виде этого исхудалого лица, этих страдальческих и вместе с тем ироничных глаз, при саркастическом повороте головы: — Кто там еще? Занят, скажите: умираю...

НАШ СУРОВЫЙ ДРУГ

«Отечественные записки», закрытого по решению трех царских министров, и лишь с опаской принимаемый в других изданиях. ...Иными стоит теперь самое веселое, — одно иронизирует он; — пороки истреблены, злоупотребления уничтожены, гнусные поношования, какие были, поправлены. Остались лишь пороки и злоупотребления второго сорта... И уже всерьез прибавляет: «Трудно живется нашей сатире. Капитал, которому некогда положил основание Гоголь, не только не увеличивается, но, видимо, чахнет и размывается на мелкую монету».

Попробуйте, взгляните о том, что сам Щедрин, и есть наследник и «умножитель», если можно так сказать, этого капитала, — какие громы и сарказмы обрушатся на вашу голову!

Послушать самого Салтыкова, так он даже для современной ему Европы, не говоря уже о потомках, — писатель восемнадцатого века, которому выпало на долю скорее корчевать, чем сеять и, тем более, ожидать скорых всходов.

Щедрин с горечью писал о том, что «встречаются поколения, которые нарождаются при начале битвы, а сходят со сцены, когда битва подходит к концу».

Родившийся несколько недель спустя после разгрома декабристов, Салтыков уже в молодости испытал все «радости» литературной деятельности в николаевской России. «Несочувственная оценка» дарем повести «Запутанное дело» обернулась в судьбе двадцатидвухлетнего автора одним из многочисленных в ту пору «волшебств», как впоследствии именовал сатирик акты произвола, жестокости, самодурства, совершавшиеся в самодержавном государстве: арестом и высылкой в Вятку.

Даже перемены, на которые правительство вынуждено было пойти в «эпоху конфуза» после поражения в Крымской войне, были произведены в возможно более обуженном, оборотном виде. Как писал сатирик, именно в эту пору принявший псевдоним — Щедрин, «у нас совершилась, без разговоров, одна из величайших реформ, какие в других странах никогда без разговоров не совершались».

Без разговоров — то есть без подлинного участия общества и, в первую очередь, самих «освобождаемых» крестьян, без гласности, по очередному «волшебству» — приказу свыше: быть по сему! исполнять! молчать! не рассуждать!! И насколько не удивительно, что вслед за «либеральной» реформой 1861 года началась полоса нового «битья» — аресты Чернышевского, Михайлова и других, временное, а вскоре и окончательное закрытие «Современника», где сотрудничал Щедрин, и «Русского слова» — за попытку «разговоров».

СТОИТ читателю, не убоавшись суховато-академического определения «полное собрание сочинений», войти и в этот щедринский «кабинет», как он услышит и потрясающий монолог верящего, страдающего, негодующего сердца и пытливого отважного ума, и своеобразнейший диалог с современниками и потомками. Увидит удивительный спектакль, где сцены, разыгрывае-

мые в строгой манере русского реалистического искусства XIX века, сменяются феерией гротеска, персонажей-масок, волшебных снов и сказочных превращений.

За «академическими» переплетами по-прежнему гремит гроза щедринской сатиры, гневные молнии которой вырывают из «административных сумерек» тогдашней современности все, что ей бы так хотелось утаить от непростого глаза, не только по-ступки, но и постыдные помышления, корыстные мотивы, «гнусные поползновения».

Чего стоят, скажем, одни только градоначальники града Глухова — эти луны, причудливо отражающие, «фокусирующие» «лучи» административных солнц куда большего масштаба, или «господа ташкентцы» с их тупоумной

убежденностью в том, что они вправе вершить судьбами народа и страны (безо всяких реальных к тому оснований или, смешно сказать, способностей!), или шайки «патриотически» настроенных мерзавцев, стоящих «на правильной стороне», у которых на подозрениии — чуть не весь мир, а цель проста — ухватить в пылу своих верноподданнических чувств кусок пожирнее!

Реакционная лечат не раз обвиняла Щедрина в невозможных преувеличениях, клевете на действительность. Но как ни гениальна была его фантазия, она была по реальной цели, а подчас находила в жизни поразительное, почти буквальное соответствие:

«Городовые должны входить в храмы божи без услия (1), наблюдать, «чтобы обнявшись никто не ходил, они же «имеют попечение, чтобы молодые почитали старших...»

Что это? Новонайденные черновыки «Истории одного города», где, как известно, один градоначальник смертью любил изобретать новые законы? Или варианты «Современной идиллии», где кварталный в поте лица сочиняет устав для обывателей? Да нет, «просто» «нормальная» «справочная книга для руководства городовым», «нагноившаяся», как выразился однажды сатирик, на этот раз в голове козловского полицеймейстера.

Даже много лет спустя после смерти Щедрина его сатира продолжала служить зеркалом действительности самодержавной России.

Один из соратников Салтыкова вспоминал, что у них как-то зашел разговор о картине, где была изображена не только битва, идущая на земле, но и та, что по-прежнему ведут даже души погибших в сражении.

«В нем, — замечает мемуарист о Щедрине, — в его личности эта мысль получила свое осуществление...»

Действительно, сатира Щедрина по-прежнему освежала общественную атмосферу, вносил в нее живительный озон высоких человеческих и гражданских идеалов и как бы возвращая миру нормальный солнечный свет, при котором зловещие тени и призраки, тяготившие над обществом, теряют силу, мнимую непобедимость и обнаруживают свою уязвимость, обреченность.

Несмотря на ясное и трагическое сознание угнетенности и темноты народной массы тех времен, страстная и горькая любовь сатирика отдала именно «человеку, питающемуся лебедой», вся жизнь которого есть «безмолвное героическое», который с болью и скорбью олицетворен писателем в герое сказки «Коняга».

Пожалуй, никто лучше Щедрина не понял и не выразил горчайшей из бедностей тогдашней народной массы — сознания всей своей — и материальной, и правовой, и политической! — бедности.

Наш суровый друг, Щедрин завещал нам и эту свою великую — «до боли сердечной» — любовь к родине и народу, и веру в тающиеся в нем силы.

«Если в настоящее время, — писал он, — эта масса вся опутана и наружными и внутренними путями, то придет же когда-нибудь час, когда эти путы разрешатся, и в тот час, торжествующая и просветленная, чего она не совершит, чего не подвигнет за собою?»

Щедрин завещал потомкам суровую трезвость этой любви и веры, не способных при-

нять желаемое за действительное существующее, презиравших трусливое или надменное «отворачивание» от действительности, как любил говорить в подобных случаях В. И. Ленин.

Он завещал нам духовную активность, самостоятельность и энергию мысли. «Без этого непременно поугамаи будете, все равно какого цвета...» — выговаривал он одному своему собеседнику.

ПУТЬ, которым шел Щедрин в литературе, далеко не всем казался бесспорным. «...Мне точно жалко его, жалко пропавшую силу», — записал в дневнике Лев Толстой.

В черный час, когда после закрытия «Отечественных записок» Щедрин почувствовал, что «душа у него запечатана», он с горечью описал сходное состояние героя сказки «Приключение с Крамольяниковым»:

«Все, против чего ты протестовал, — все это и поныне стоит в том же виде, как и до твоего протеста».

Но читатель — друг с ним решительно не согласился.

«Он получал много писем, — вспоминал это время Н. Михайловский. — Одно из них пришло в моем присутствии, и Салтыков, жалуюсь на слабость зрения, просил меня прочесть его. Я никогда не забуду этой сцены: слушая письмо, Салтыков, по обыкновению, ворчал и в то же время плакал... Автор письма называл его «святым стариком», доказывал, что не крохи и мелочи у него в прошлом, что не одинок он и не может быть одинок, что русское общество не может забыть его заслуги, как бы ни умалал их размеры он сам».

Валтасаров пир реакции еще длился, но история уже писала свое «мене, текел, фа-

Михаил ГОЛОДНЫЙ

Любям, стоящим в стороне от общественной и политической жизни, никогда не понять Салтыкова-Щедрина. Или они поймут его, но по-своему, по-обывательски. Бесплодный к своим идейным врагам, он прям, резок, неприимирим и предан своим убеждениям до крайней степени. Отсюда непрезойденная острота его сатиры, ее своеобразность и оригинальность, ее непотухающая страстность.

«Я не знаю ни одного сатирика, творчество которого породило бы такое количество незабываемых образов из сферы политической жизни и борьбы. Оппортунист, либерал, приспособленец, бюрократ, двурушник!.. Природа оппортунизма, логика предательства — все это в конкретных образах бесшумно отбывается от его книг, чтобы жить второй — реальной жизнью».

«Как великий художник прямой политической сатиры, Салтыков-Щедрин не имеет себе равных и является, по моему убеждению, самым близким нам писателем. Его умение вскрывать «формулу», «номенклатуру», показывать в них конкретное содержание учит распознавать врага под любой личиной».

Лев НИКУЛИН

«Мысль Щедрина поднималась и парила над десятилетиями, живая, острая, обличительная мысль, как если бы она родилась вчера, в мозгу нашего современника. Отречение от «высокой», «чистой» литературы по достоинству оценено только в наше время. Это отречение — одна из при-

чин того, почему жив и будет жить среди нас Щедрин, «советский сатирик Салтыков-Щедрин», как полшутя, вероятно замечательного писателя наше поколение.

ЭТО ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК

Мы предлагаем вниманию читателей часть материалов из неизданной анкеты — «Советские писатели о Щедрине» — «Литературного наследия» 1932—1933 годов. Полностью она печатается в январском номере журнала «Новый мир».

Публикация лауреата Государственной премии СССР, доктора филологических наук С. А. Макашина.

Константин ТРЕНЕВ

«Как великий художник, Щедрин создал галерею «бессмертных» типов. Щедринских героев в нашей действительности лопатой не повернешь. Нужды нет, что они перекашиваются в советский цвет. Они давно ждуг советских сатириков с надлежащей широтой и глубиной охвата».

Само собой разумеется, наша сатира должна воспитываться на величайшем из наших сатириков. Это ее настоящий путь...»

Михаил БУЛГАКОВ

«Я начал знакомиться с его произведениями, будучи, что уже приобрело общедоступную известность».

нем возрасте... В дальнейшем я постоянно возвращался к перечитыванию салтыковских вещей. Влияние Салтыкова на меня оказало чрезвычайное, и, будучи в юном возрасте, я решил, что относиться к окружающему надлежит с иронией. Сочиняя для собственного развлечения обличительные фельетоны, я подражал приемам Салтыкова, причем немедленно добился результатов: мне не однажды приходилось ссориться с окружающими и выслушивать горькие укоризны.

Когда я стал взрослым, мне открылась ужасная истина. Атаманы-молодцы, беспутные клемантинки, рукоуси и лапотники, майор Прыщ и бызвалый прохвост Угрюм-Бурчеев пережили Салтыкова-Щедрина. Тогда мой взгляд на окружающее стал траурным. Какое Щедрин, как художник?

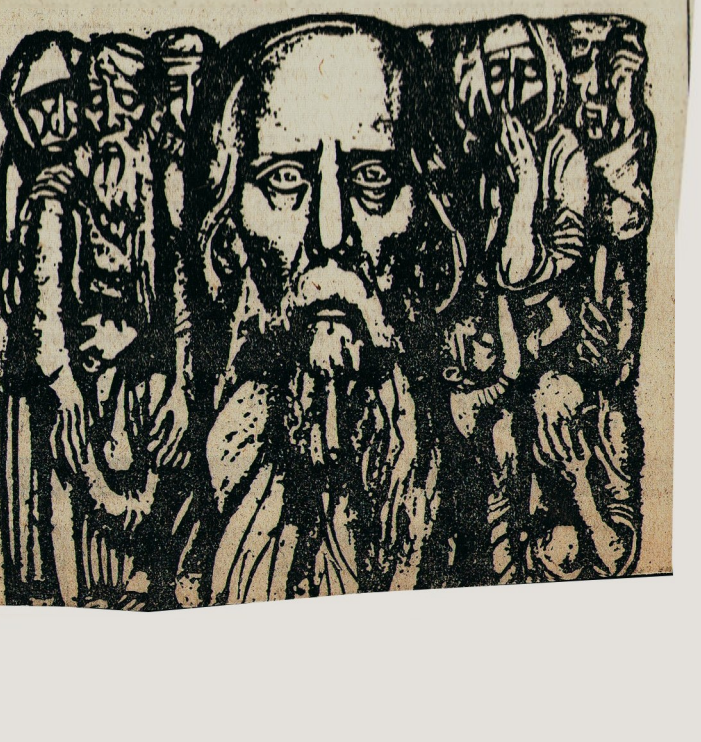
Я полагаю, доказывать, что он первоклассный художник, излишне».

«Я уверен в том, что всякие попытки создать сатиру обречены на полнейшую неудачу. Ее нельзя создать. Она создается сама собой, внезапно. Но каждому из советских сатириков, я полагаю, надлежит рекомендовать усиленное изучение Щедрина».

Лев КАССИЛЬ

«...Может быть, он самый живой, самый полезный из всех наших классиков. С ним легче дружить мыслью, чем с другими. Он очень сегольный, и когда его читаешь, кажется, что это пишет о прошлом наш замечательный современник, и хочется написать ему письмо, попросить совета... узнать не только то, что лежит на поверхности, что уже приобрело общедоступную известность».

«Я ЛЮБЛЮ РОССИЮ ДО БОЛИ СЕРДЦЕЧНОЙ»

рес». И вся ненависть и любовь, какими жил великий сатирик, тоже переливались в эти, все явственнее выступавшие письмена.

Вспоминая посещение больного писателя студенческой депутацией, в которую, в частности, входил Александр Ульянов, одна из делегатов писала о Щедрине: «Казалось, он дал нам бесконечно много своим незабываемым взглядом, точно приобщил нас своей тоске, точно завещал нам свой непримиримый гнев».

Этот праведный гнев не раз вспыхивал впоследствии в публицистике В. И. Ленина.

И речь здесь не только о том, что идеи, образы, язвительные словечки сатирика нередко начинают жить в этих статьях как бы новой жизнью (так «домосед» Иудушка у Ленина неоднократно действует уже на политической арене), но и о том кипищем саркастическом негодовании, которое у Владимира Ильича часто отливалось в совершенно щедринскую по духу своему форму.

«Ни в одной стране нет такого обилия законов, как в России. У нас на все есть законы», — говорится, например, в «Случайных заметках» 1901 года.

«Пропавшая сила» Щедрина воскресала все в новых обличьях, чтобы, дойдя до наших дней, войти в нашу кровь стойким противоядием против всяческих рецидивов тех недугов и пороков, с которыми беспощадно воевал всю свою жизнь великий сатирик.

Андрей ТУРКОВ.

Мыслитель, критик, публицист

Издательство «Молодая гвардия» к 150-летию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина сделало своим читателям подарком — собрание произведений писателя «Я люблю Россию до боли сердечной».

В книгу вошли главы из «Истории одного города», «Современной идиллии», «Губернских очерков» и «Сказок». Книга знакомит молодого читателя (сборник вышел в серии «Тебе в дорогу, романтик») не только с прекрасным писателем и мыслителем, но и с блестящим публицистом, литературным критиком, деятелем русского освободительного движения, каким был М. Е. Салтыков-Щедрин. Самые добрые слова можно сказать о точных, образных иллюстрациях и книге художника Л. Непомнящего.